

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ

Аннотация

В данной статье, посвященной проблеме экологического активизма в Латинской Америке в первой декаде XXI в., автор акцентирует внимание на некоторых терминах, которые необходимы для понимания сложившейся ситуации в регионе. В частности, затрагиваются вопросы парадигмы экономического развития, рассмотрение категории «неоэкстрактивизм», обозначается новый цикл протестной активности, участники которого используют экологический дискурс.

Ключевые слова: рентная экономика, неоэкстрактивизм, глобальная окружающая среда, Пача-Мама, индейские традиции, «эко-территориальный сдвиг».

Автор

Шинкаренко Александр Александрович

Старший научный сотрудник
Цentra политических исследований
Института Латинской Америки РАН,
кандидат политических наук
(Москва, Россия)

Начало XXI в. стало для государств Латинской Америки «поворотным пунктом», который во многом сказался на их текущем развитии. Одной из его особенностей стала активизация экологического дискурса во внутренней политике, давшего толчок в странах региона социальным движениям, чье появление было обусловлено некоторыми особенностями политического и экономического развития региона.

Активизации экологического дискурса предшествовали множественные дискуссии (еще с 1960-х гг.) о том, что экология является одним из факторов, влияющих на формирование геополитического видения [13. — Р. 354]. В последнее десятилетие XX в. наряду с заявлениями о новом мировом порядке экспертное сообщество все более пристально обращало внимание на проблемы окружающей среды (А. Гор, Р. Каплан, Т. Хомер-Диксон, Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию). Экологическая повестка,

не будучи изначально воспринятой всерьез, за последние несколько десятилетий, с учетом внешних факторов, превратилась в важный объект экспертных исследований. Антропогенное воздействие на природу, привнося новые формы угрозы, первоначально понимаемые как локальные, вышли на качественно новый уровень. Дальнейшее же состояние «глобальной окружающей среды» (как нового объекта дискурса) стало рассматриваться через призму множества элементов, среди которых выделялись такие как модели развития, демографическая ситуация, состояние неравенства в мире и др.

В государствах Латинской Америки многочисленные споры о глобальных климатических изменениях способствовали частичному пересмотру отношения человека с Матерью-Землей (в традиции коренных жителей региона именуемой «Пача-Мама»), формируя тем самым новую экологическую геополитику. Подобно другим дискурсам, эта относительно новая область знаний

руководствуется собственными критериями оценки, на что нам справедливо указывает американский исследователь Дж. Тоал, отмечая в то же время, что многочисленные меры по решению проблем всеобщей деградации и загрязнения природного пространства могут отражать, а также «защищать интересы конкретных структур, тесно связанных с созданием и сохранением экологических проблем» [15]. Для рассмотрения описания экологической ситуации, с которой столкнулась Латинская Америка в последние десятилетия, представляется резонным определить с трактовками некоторых понятий.

Дискуссии о текущей модели развития в рамках «экологической» геополитики диктуют потребность в рассмотрении такого понятия, как *экстрактивизм*. На примере государств региона под данным термином следует понимать унаследованную парадигму, где в основе заложен рентный тип экономики для последующего сбыта природных богатств на мировых рынках. Опираясь на благоприятную экономическую конъюнктуру, подобная экономическая модель способствовала формированию соответствующей идеологии для обслуживания данных процессов. В свою очередь, французская исследовательница Л. Эмперэ из Института Америк (L'Institut des Ameriques) расширила трактовку экстрактивизма, включив помимо крупных горнодобывающих проектов также активную экономическую эксплуатацию лесных богатств (вырубка деревьев, сбор ягод, природного каучука и др.) [10].

Важно и то, что эксплуатация лесных богатств периферийных районов Амазонии охватывала до половины сельского населения, для которого в условиях социальной и экономической исключенности занятость в подобных проектах долгое время оставалась единственным источником заработка. Все это негативно сказывается на уровне биоразнообразия влажнотро-

пических лесов и тесно коррелирует с «теорией природных сред «Четвертого мира» [18].

Кроме того, в ряде государств региона обострились взаимоотношения между центром и периферией, которые можно трактовать через призму концепции «внутреннего колониализма»¹. Последняя описывает политическую иерархию и экономическое неравенство территорий внутри отдельно взятого государства, где периферии отведена роль источника сырья и низкоквалифицированной рабочей силы. В центре сосредоточены возможности обработки ресурсов, а также обучения высококлассных специалистов. Считается, что целенаправленная политика внутреннего колониализма характерна для богатых ресурсами развивающихся государств мира, таких как Нигерия, Ангола, Перу, Венесуэла, а также других государств, где региональные раз-

¹ Примечательно, что центральная идея «внутренней колонии» была весьма востребована в марксистской социальной философии. Вновь к проблеме внутренней колонии общественно-политическая мысль обратилась на рубеже 1960-1970-х гг., в период активного распада колониальной системы, приведшего к глобальным изменениям на политической карте мира. Сам же термин стал применяться исследователями для анализа предшествующего опыта, а также постколониальных теорий развития (Р. Блаунер, М. Гехтер, Х. Айхберг и др.). Одна из наиболее влиятельных в академических кругах трактовок данного феномена принадлежит американскому исследователю М. Гехтеру (1975), обосновавшему имеющийся опыт взаимодействия между элитами и населением удаленных районов, где находящиеся в наиболее передовых регионах господствуют над жителями в менее развитых. В настоящее время «внутренний колониализм» используется в социологической, политологической и экономической практике для обозначения экономической (но не только) эксплуатации «центром» страны, где сконцентрирована политическая элита, своей «периферии» (за счет использования дешевой рабочей силы, природных богатств, стратегического местоположения и др.). В частности, затрагивая проблему этнополитического конфликта, Гехтер выдвинул тройную модель возникновения этнической напряженности, как следствие неравномерной модернизации многонационального государства.

личия, помноженные на униженное положение периферии и этническую неоднородность, подстегивают центробежные тенденции¹.

Примечательно, что наличие в отдельном государстве устойчивой дихотомии «центр-периферия» приводит к мысли о наличии в механизме государственного строительства внутреннего «другого». По мнению отечественного исследователя И.Ю. Окунева, маркировка ментальных границ сообщества происходит по бинарной схеме «Мы» и «Другие» [5. — С. 38–39.]. Формирование и дальнейшее поддержание внутренних ментальных границ центр-периферии — это механизм, который позволяет выявить территории, нуждающиеся в поддержке для сохранения государственности, включающий в себя два измерения. Первое, утверждает И.Ю. Окунев, геохронополитическое, трактует центр-периферийные отношения как географическую проекцию временных (хронополитических) различий, т.е. современного и отсталого [5. — С. 41]. Второе, конструктивистское измерение, опирается на особый элемент в формировании пространственной идентичности, где речь идет об интерпретации пространства (используя мифы, образы, представления) [5]. Любопытно, что такая схема может действовать как на международном («развитый Запад (Север) — «Третий мир» (Отсталый Юг)), так и на внутрирегиональном уровне (например, в случае с Перу — различия между Костой и Сьеррой). Следует также отметить, что представления об отсталости периферии можно считать мифом о внутрен-

нем ориентализме². В свою очередь, существующая схема «центр — полупериферия — периферия» может быть применима к структуре любого государства, где полупериферия может иметь как естественные (социально-экономические) предпосылки возникновения, так и искусственные, т.е. привнесенные центром для решения конкретных геополитических задач.

Применяя данные теоретические схемы к социально-политическим реалиям латиноамериканского общества, следует подчеркнуть, что изменения последнего десятилетия подтолкнули интеллектуалов и гражданских активистов к поиску альтернативной парадигмы развития. Здесь мы подходим к следующей категории — *неоэкстрактивизму*, необходимой для понимания экологического дискурса в политике государств Латинской Америки. Данный термин, согласно существующей в латиноамериканской научной историографии трактовке, понимается как модель экономического развития, возникшая в начале XXI в. в ряде стран региона. Как и упомянутый выше конвенциональный экстрактивизм, новая вариация опирается на рентную экономику, однако госсектор играет более значимую роль в добывающей промышленности, нежели частные участники. Данный факт не только отразился на проценте отчислений в бюджет, но и способствовал тому, что часть средств пошла на реализацию социальных программ, позволив сформировать социальную базу сторонников данных режимов [12]. Появление у данной дефиниции приставки обусловлено не-

¹ Так лидирующие позиции центра основаны на расовом, этническом и культурном превосходстве. Легитимность власти помимо поддержки военно-административного ресурса подкреплена существующими культурно-расовыми стереотипами. Таким образом, концепция «внутреннего колониализма» наглядно демонстрирует многие этносоциальные процессы, прежде всего, в развивающихся государствах.

² В частности, часто академическими авторами проводятся параллели между мифом о внутреннем «другом» и представлениями о Востоке, которые были описаны Э. Саидом в его работе «Ориентализм» (1978). Так, представления о Востоке, как о чем-то мистическом, экзотическом, неконтролируемом и неразвитом, были созданы европейцами благодаря дискурсу, противопоставлявшему Восток Западу.

сколькими моментами, речь о которых пойдет ниже.

Во-первых, одним из условий неоэкстрактивизма является сверхэксплуатация природных ресурсов [6. — С. 24–25]. Из-за губительного воздействия на состояние экосистемы в районах проведения ресурсных разработок противодействие неоэкстрактивистскому тренду стало ключевым для политической повестки новых социальных движений. Например, в Эквадоре и Боливии подобный расклад позволил местным сообществам влиять на дискуссии по вопросам климатических изменений и альтернативных моделей развития, что, на наш взгляд, можно отнести к локальной вариации «зеленой» геополитики. Уругвайский публицист Р. Зибекки утверждает, что протестные кампании являются свидетельством формирования «очередного цикла борьбы, которая вдохнет жизнь в новые антисистемные движения. Последние, в свою очередь, будучи более радикально настроенными по отношению к капитализму, ставят под сомнение теории зависимого развития. При этом они придерживаются концепции *Buen Vivir*, в качестве главного этического и политического ориентира» [11]. Американский географ-марксист Д. Харви, в свою очередь, дополняет эту мысль, отмечая, что на примере Латинской Америки мы можем наблюдать примеры горизонтальной самоорганизации общин, готовых взять ситуацию под свой контроль, там, где государство ею не управляет [7]. Все вышеуказанное поспособствовало формированию так называемого «*эко-территориального сдвига*» — термина, ставшего еще одной характерной особенностью экологического дискурса в государствах Латинской Америки. Появившаяся в работах аргентинского социолога Маристеллы Свамп данная категория необходима для объяснения нового цикла протестной активности, сфокусированной на категориях земли, окружающей среды, модели развития и др.,

что было спровоцировано обновленной парадигмой капиталистического господства в регионе.

Во-вторых, в ряде государств Латинской Америки администрация продолжала акцентировать внимание на преимуществе сложившейся системы. Местные элиты стремились скрыть новые формы неравенства, привнесенные международным разделением труда и диспропорционального развития территорий. Таким образом, за скобками оставались критика и возможные негативные последствия текущей экономической модели, не учитывавшей нарастающий общественный резонанс.

В-третьих, стоит отметить, что процесс сверхдобычи полезных ископаемых значительно возрос по мере расширения спроса на латиноамериканское сырье на китайском рынке. Так, в орбиту «Пекинского консенсуса» были включены такие страны, как Аргентина, Перу, Колумбия, Куба, Мексика, Уругвай, Венесуэла и др. [18, 19].

В-четвертых, в большинстве государств Латинской Америки сложились устойчивые партнерские отношения с частным транснациональным капиталом. Проекты по мегадобыче невозобновляемых природных ресурсов часто реализовывались при участии крупных инвестиционных групп, что обусловило их (проектов) рост на протяжении десятилетия 2000–2010-х гг. Среди них значилось возведение нескольких плотин в бразильской части Амазонии. В соседней Боливии процесс «большого индустриального скачка» объединил разработку углеводородов, лития, железа, а также сказался на развитии сельского хозяйства [9]. В Венесуэле стратегический план предполагал расширение добычи в нефтегазоносном Поясе Ориноко, однако кризис, который переживает нефтяная промышленность страны не позволяет наращивать производственные мощности. Разработка полезных ископаемых на территории влажных тропических лесов не обошла стороной и Эквадор.

К началу нового тысячелетия масштабы открытой добычи (особенно меди, золота, кобальта, лития) превысили аналогичные показатели XX в. Данный факт стимулировал подъем общественных выступлений на местах, которые повлекли за собой формирование новых акторов — антиэкстрактивистских движений. К ним также присоединились коренные жители региона, которые из-за частой добычи полезных ископаемых на территориях традиционного расселения вынуждены обновить свою экологическую повестку.

«Товарный консенсус» — еще одна категория (введенная М. Свампой), обозначающая текущую фазу развития неозэкстрактивистской модели в Латинской Америке. По утверждению аргентинской исследовательницы, под ним понимается новый «экономический и политико-идеологический» порядок, в основе которого лежит высокий спрос на первичные сырьевые товары [20]. Данный факт не только способствовал увеличению доли добывающей промышленности и скорости, с которой наполнялись национальные резервы, но и обнажил новые формы неравенства и как следствие — потенциальные конфликты в современном латиноамериканском обществе.

Согласно данным Центра исследования конфликтов в горнодобывающей промышленности (ОКМАЛ), в 2010 г. в Латинской Америке произошло 120 конфликтов, затронувших 150 обществ. К 2014 г. их число увеличилось до 198, а количество участников составило 296. По статистике 2019 г. самые высокие показатели конфликтных ситуаций отмечались в Чили, Мексике и Перу, на долю которых пришлось 49, 48 и 42 столкновения, соответственно. В Аргентине этот показатель составил 28 случаев, в Бразилии — 26, Колумбии — 18, Боливии — 10, а также 7 в Эквадоре [14].

Социально-экологический протест в Латинской Америке к концу второй декады XXI в. вышел за пределы своих

локальных границ, став неотъемлемой частью политического ландшафта региона. В **Боливии** примерами такого тренда могут служить общественные кампании в защиту национального парка Исиборо (ТИПНИС) [2], объединившие местное население против строительства транспортной артерии через территорию лесного массива. Большинство общин, участвовавших в акциях протеста, были против ее предполагаемого маршрута, хотя некоторые участники заявляли, что шоссе должно пересечь другую часть Амазонии за пределами ТИПНИС [8]. Схожий сценарий использовался в споре вокруг одного из крупнейших в мире месторождений серебра и индия «Маллу Кота», расположенного в боливийском департаменте Кочабамба.

Расширение неозэкстрактивистских проектов также демонстрирует пример **Аргентины**, особенно в области сельского хозяйства и активного освоения природных ресурсов. В частности, национальное стратегическое планирование подразумевало 60%-ный рост производства сои и добычи полезных ископаемых [1. — С. 30–31]. Сюда же стоит отнести факт добычи неконвенциональной (сланцевой) нефти и газа. Ее началом послужило соглашение (2013 г.) между национальной YFP, Chevron, а также администрацией аргентинской провинции Неукен, что стало началом крупномасштабных разработок с использованием технологии гидравлического разрыва пласта (фрекинг)¹ на месторождении «Вака Муэрта», чьи запасы оцениваются в 22,5 млрд баррелей [4]. Протестная ак-

¹ Гидроразрыв пласта (ГРП или фрекинг) считается одним из самых эффективных методов для интенсификации притока нефти и газа к скважинам. Его смысл в том, чтобы создать высокопроводимые трещины в целевом пласте для обеспечения притока жидкости. Данный способ позволяет «оживить» простаивающие скважины, добыча углеводородов на которых традиционными способами невозможна или является малорентабельной.

тивность в названном районе нефте- и газопромыслов, а также в ряде других провинций страны наблюдается и по сей день.

Активность антиэкстрактивистских движений в районах добычи полезных ископаемых отмечается на территории **Эквадора** (в частности, после отмены в 2013 г. «Инициативы Ясуни-ИТТ»)¹. В перуанском регионе Кахамарка выступления против мегапроекта Конга² по добыче золота и меди в 2011–2013 гг. привели к жертвам среди протестующих. Эти протесты стали испытанием на прочность администрации О. Умалы (2011–2016). Инциденты, разжигавшие конфликтные ситуации между золотодобытчиками и местным населением, привели к тому, что в 2016 г. компания-оператор месторождения Newmont объявила о своем выходе из проекта Конга, который оценивался в 4,8 млрд долларов [21]. Таким образом, существующий разрыв между официальной риторикой правительственных администраций и текущей практикой, вместе с криминализацией протестов против ресурсных разработок, свидетельствуют нам об откате демократии в тех случаях, когда власть переходит «к более традиционным режимам господства на основании классических популистских моделей национального развития» [6. — С. 25].

В контексте неоекстрактивистской политики также стоит отметить ситуацию, которая сложилась вокруг литиевых месторождений Латинской Америки. Некоторые аналитики утверждают, что добыча углеводородов может отойти на «второй план», если будет налажено массовое производство литиевых батарей. Примечательно, что

более половины (58%) от известного числа его мировых запасов находится в районе, который делят между собой Чили, Боливия и Аргентина [3]. Потребность мировых рынков в этом металле объясняется высокой потребностью наукоемких производств, которым он необходим для создания аккумуляторных батарей для электрокаров, смартфонов, игровых приставок, ноутбуков и др. Ряд изданий называют его белым золотом, что ставит его на одну доску с нефтью. Хотя технологиям на литиевой основе предстоит долго развиваться и расширяться, чтобы занять столь же значимое место, какое занимают нефть и газ в современном мире, ажиотажа на металл виден уже сейчас.

Резюмируя вышесказанное касательно экологического активизма в Латинской Америке и особенностей его дискурса, стоит отметить, что альтернативные точки зрения, демонстрируемые антиэкстрактивистскими движениями, бросают вызов политической, экономической, культурной, военной гегемонии государства и элит. Подобные проявления, в свою очередь, в рамках критического подхода, по меткому замечанию П. Роутледжа, можно определить как негеополитику (или же антигеополитику) [16]. В условиях гражданского общества ее проявления заметны в этической, политической, культурной и прочих сферах, где ключевые ее элементы не являются частью финансируемых и контролируемых государством институтов. Сторонники негеополитики высказывают свои сомнения совпадения интересов государства и общин. Стоит также подчеркнуть, что антигеополитика способна принимать бесчисленные формы, которые объединяют оппозиционные дискурсы, интеллектуалов-диссидентов, стратегии и тактики социальных движений и др. С учетом интенсивности глобализации новые акторы форсируют свою деятельность как в масштабах региона, так и на международном уровне. По мнению Роутледжа, именно они броса-

¹ Эквадорская природоохранная инициатива Ясуни-ИТТ названа в честь национального парка Ясуни, а также района Испинго-Типутини-Тамбокоча.

² Оператором проекта выступает компания Minera Yanacocha, большая часть акций которой принадлежит американской Newmont Mining Corporation.

ют вызов элитам, а также глобальным структурам господства, как, например, движение сапатистов (EZLN) в мексиканском штате Чьяпас, которое, по мнению исследователя, также является одним из проявлений негеополитики [16]. Благодаря вкладу таких акторов, за последние пятнадцать лет по всему миру отмечается заметная тенденция к сопротивлению деятельности ТНК. Не-

отъемлемой частью данного процесса стали новые социальные движения, объединившие левых партизан, представителей неправительственных организаций, правозащитников, экологов, а также сторонников среди автохтонного населения, часто невзирая на национальные границы или идеологические различия [16. — P. 253–254].

Литература

1. *Альварес Сола М.* Новый аргентинский экстрактивизм // Глобальный диалог. — № 1 (т. 6). — Март 2016. — С. 30–31.
2. *Воротникова Т.А.* Десять лет спустя: как изменилась Боливия при Эво Моралесе // Свободная мысль. — № 6. — 2016.
3. *Добрынин В.* Экономике Аргентины, Боливии и Чили спасет литий? // REGNUM. — 14.03.2017. Available at: <https://regnum.ru/news/economy/2248832.html> (дата обращения 29.11.2019).
4. Месторождение Вака Муэрта Available at: http://www.nftn.ru/oilfields/america/argentina/vaka_muehrta/73-1-0-1331 (дата обращения: 13.12.2019).
5. *Окунев И.Ю.* Столицы в зеркале критической геополитики. — М.: Аспект-Пресс, 2017.
6. *Свампа М.* Бросая вызов неоэкстрактивизму в Латинской Америке // Глобальный диалог. — № 1 (т. 6). — Март 2016. — С. 24–25.
7. *Хестанов Р.* Географический марксизм (интервью с Дэвидом Харви) // Русский репортер. — Available at: http://www.rusrep.ru/2008/18/interview_harv/ (accessed: 30.11.2019).
8. *Belinda Fontana L.* Evo Morales at the Crossroad: Problematizing the Relationship between the State and Indigenous Movements in Bolivia // Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies. — Vol. XLIII: 1–2. — 2013. — P. 19–45.
9. Bolivia da el gran salto industrial. Available at: <http://www2.hidrocarburos.gob.bo/index.php/prensa/noticias/285-bolivia-da-el-gran-salto-industrial.html> (дата обращения 27.02.2019).
10. *Emperaire L.* L'extractivisme et le developpement durable de l'Amazonie // Amenage et nature. — 1994. — № 115. — P. 23–25.
11. Цит. по: *Fuentes F.* South America: How «Anti-extractivism» Misses the Forest for the Trees. Available at: <http://links.org.au/node/3859> (accessed : 23.11.2019).
12. См. подробнее: *López Flores P.* La disputa de lo plurinacional en Bolivia: Neoextractivismo y Vivir Bien, el caso del TIPNIS. Available at: http://actacientifica.servicioit.cl/biblioteca/gt/GT13/GT13_LopezFlores.pdf (accessed 28.12.2017).
13. *Luke W.T.* Toward a Green Geopolitics. Politicizing ecology at the Worldwatch Institute // Geopolitical Traditions. A Century of Geopolitical Thought. — London; New York: Taylor and Francis, 2003. — P. 353–370.
14. Mapa de conflictos mineros, proyectos y empresas mineras en América Latina. Available at: https://mapa.conflictosmineros.net/ocmal_db/ (дата обращения: 17.10.2019).
15. Цит. по: *Ó Tuathail G.* Introduction. Thinking critically about geopolitics // The Geopolitics Reader. — London; New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. — P. 7.
16. См. подробнее: *Routledge P.* Anti-geopolitics. Introduction // The Geopolitics Reader. — London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2003.
17. *Shinkarenko A.* Teoría del «Cuatro Mundo» en la geopolítica moderna: aspectos latinoamericanos // Iberoamerica. — 2016. — № 4. — P. 68–89.
18. *Slipak A.* Un análisis del ascenso de China y sus vínculos con América Latina a la luz de la Teoría de la Dependencia // Realidad Económica. — Buenos Aires, № 282 (16 de febrero-31 de marzo de 2014).
19. *Slipak A.* América Latina y China: ¿Cooperación Sur-Sur o «Consenso de Beijing»? // Nueva Sociedad. — 2014. — № 250 (marzo-abril).

20. *Svampa M.* Modelo de Desarrollo y cuestión ambiental en América Latina: categorías escenarios en disputa / El desarrollo en cuestión: reflexiones desde América Latina. — La Paz: CIDES / UMSA, 2011.
21. *Walton B.* Conga Mine in Peru Halted by Water Concerns, Civic Opposition. Available at: www.circleofblue.org/2016/south-america/conga-mine-peru-halted-water-concerns-civic-opposition/ (accessed 10.05.2019).